

Евгений Бах

Кровь и луна

18+

Евгений Бах
Кровь и луна

«Автор»

2026

Бах Е.

Кровь и луна / Е. Бах — «Автор», 2026

Юной маркизе Изабелла Орган предстоял блестящий брак с герцогом Эмилем, но судьба столкнула её с грубым охотником Якобом — беглым наследником баронского рода, скрывающим тёмную тайну. Ради свободы и настоящей жизни она добровольно приняла его проклятие и стала оборотнем. В день свадьбы стая растерзала город, Эмиль погиб, а Изабелла и Якоб бежали в лес. Казалось, они обрели долгожданный покой. Но кто-то другой тоже вышел на охоту. Кто-то, чьи жертвы остаются обескровленными. Эмиль вернулся из мёртвых, чтобы «свою невесту». Две силы сходятся в смертельном противостоянии. Вампир, который любит её через обладание. Оборотень, который любит её через войну. И мать, готовая на всё ради «семьи». Изабелле придётся выбирать не между добром и злом, а между разными ликами тьмы. И от её выбора зависит судьба королевства.

© Бах Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Пепел и тишина	5
Глава 1. Лесная колыбель	7
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Евгений Бах

Кровь и луна

Пролог. Пепел и тишина

Языки пламени заканчивали свой пир на руинах собора Святого Арнуля. Камилла стояла на коленях посреди площади, и её шёлковое платье, превратившееся из торжественного в траурное, впитывало кровь с брусчатки. Вокруг лежали тела гостей, слуг, гвардейцев. Смерть не знала титулов. Факелы чадили, и в их неверном свете лица мёртвых гримасничали, подмигивали, шептали. Но Камилла не слышала их. Она слышала только тишину внутри себя, которая приходит, когда мир рушится не с грохотом, а беззвучно, как падает дерево в глубине леса.

Её муж, маркиз Гектор Орган, лежал у неё на коленях. Его серые, спокойные глаза были открыты. Именно такими она помнила их в утреннем свете их спальни. Только теперь в них не было ни света, ни утра. На его груди, чуть ниже сердца, зияла рваная рана от когтей. Камилла прижимала ладонь к этой ране, будто пыталась удержать тепло, которое уже ушло.

— Ты обещал, — прошептала она, не узнавая собственного голоса. — Ты обещал, что мы состаримся вместе в нашем саду. Что мы увидим внуков. Ты обещал, Гектор!

Он молчал. Он не выполнил свои обещания — ушёл первым, оставив её одну.

Где-то там, за спиной, догорали свадебные цветы. Где-то там лежало тело герцога Эмиля — безупречного юноши, которому она так хотела доверить дочь. А сама Изабелла — её девочка, её гордость, её отражение в этом мире — исчезла. Среди множества трупов не было её тела, потому что она была жива.

Но Камилла не находила утешения в этом знании. Сквозь пелену ужаса она видела, как её дочь поднялась с земли, когда всё закончилось. Как её тело менялось, ломаясь и перестраиваясь, как человеческий крик переходил в волчий вой. Изабелла Орган, дочь маркиза, невеста герцога, стала оборотнем. Приняла «волчий поцелуй» — добровольно, осознанно. А потом исчезла в лесу вместе с тем, кто принёс в их жизнь этот ужас.

И Камилла не остановила её. Она с одобрением смотрела, как дочь уходит, и молчала.

Почему?

Она задавала себе этот вопрос снова и снова, пока сидела над телом мужа. Ответ разрывал её надвое. Рациональная часть, та что двадцать лет играла в придворные игры, та что учила Изабеллу думать своей головой — эта часть понимала. Дочь выбрала свободу. Дочь выбрала правду вместо позолоты, жизнь вместо спектакля. В глубине души Камилла даже гордилась ею. Изабелла поступила так, как сама Камилла когда-то мечтала, но не посмела.

Но была и другая часть. Та, что сидела сейчас на коленях в луже крови, прижимая к себе тело мёртвого мужа. Та часть кричала: *она бросила тебя. Она выбрала чудовище. Она оставила тебя в этом аду в одиночестве.*

И чем дольше Камилла сидела так, тем громче становился этот крик.

Она не заметила, когда он появился. В какой-то момент тени рядом с ней стали гуще, и её ноздрей коснулся сладковатый как увядшие лилии запах тления. Она не обернулась. Она знала этот запах. Знала эту тень.

— Ты пришёл слишком поздно, — сказала она сухо. — Всё уже случилось.

— Всё только начинается, *моя дорогая.*

Голос был мягким, как бархат, и холодным, как могильная земля. Он умел говорить так, что каждое слово казалось заботой, хотя за словами не было ничего, кроме голода.

— Твой муж мёртв, — продолжил незнакомец. — Герцог Эмиль — тоже. Твоя дочь обратилась и бежала с сыном де Морнэ. Ты потеряла всё за одну ночь. — Пауза. — Но ты ещё жива.

— Это утешение? — Камилла горько усмехнулась.

— Это возможность.

Теперь она обернулась. Он стоял чуть поодаль — высокий, безупречно одетый, с лицом, которое она знала много лет. Лицо, которое не менялось всё то время, что она его помнила. Он был из тех, кто правил королевством из тени. Из тех, кого она научилась распознавать и избегать. Когда-то давно она уже отказалась от его предложения. Тогда у неё была дочь, которую нужно было защитить от этого мира. Тогда у неё был муж, ради которого стоило оставаться человеком.

Теперь ничего этого не было. А он стоял перед ней. Терпеливый, как сама вечность.

— Твоя дочь жива, — повторил он. — Она в лесу, с оборотнем. И она думает, что свободна. Но ты знаешь, что это не так. Лес — это не свобода. Лес — это ожидание смерти. Волки живут недолго, Камилла. Особенно те, кто нажил врагов среди бессмертных.

Она вздрогнула. Он это заметил.

— Ты можешь вернуть её. Можешь дать ей настоящую защиту, которую не обеспечит ни один зверь. Ты можешь достичь высот, от которых отказалась когда-то. Власть, вечность, сила. Всё, что только пожелаешь — Его голос стал тише, интимнее. — Ты потеряла мужа, но можешь спасти дочь.

Камилла молчала. Её рука по-прежнему лежала на груди Гектора — там, где больше не билось сердце.

Мужчина сделал шаг вперёд, и теперь она увидела в его руке маленький флакон. Жидкость внутри была тёмно-красной, почти чёрной, и когда он поставил флакон на брусчатку рядом с её коленом, ей показалось, что стекло пульсирует, будто в нём билось чьё-то сердце.

— Ты знаешь, что это, — сказал он. — и знаешь цену. И ты знаешь, где меня найти.

Он отступил. Тени сгустились вокруг него и рассеялась, оставив после себя только запах мертвых лилий.

Камилла осталась одна.

Площадь была пуста, если не считать мёртвых. Пожар стихал, и тяжёлая, как смыкающаяся над головой утопленника вода, тишина возвращалась в Тюиль. Камилла смотрела на флакон. На то, как блики огня играют в тёмно-красной жидкости. Её муж был мёртв, а дочь покинула в трудный час.

Мир, которому она служила всю жизнь — мир приличий, браков, титулов и интриг — лежал перед ней в руинах. А в этом флаконе теплились обещания вернуть утраченное. И тихий голос в её голове нашёптывал: ты больше никогда не будешь беспомощной.

Камилла медленно протянула руку. Ей казалось, будто сама судьба сопротивлялась её решению. Наконец пальцы коснулись прохладного стекла, и в этот момент где-то в лесу, далеко-далеко, волчица подняла голову и завывала на луну. Её дочь пела свою новую, дикую песню.

А мать держала в руках флакон с новой жизнью, и тишина вокруг неё становилась вечностью.

Глава 1. Лесная колыбель

Шпили соборов Тюиля растворялись в дымке, едва лес смыкал кроны над головой. Сюда не долетал звон колоколов, а гербы и титулы значили не больше, чем палая листва под ногами. Тишина леса дышала скрипом стволов, шелестом крон, дальним криком птицы. Она была живой. Начинаясь сентябрь, и лес ещё держал зелень, но по утрам трава покрывалась первой, робкой изморозью, предвестницей долгой зимы.

В сердце этой тишины, у кромки поляны, щипал вечернюю траву благородный олень. Его шкура отливала медью в гаснущих лучах солнца, движения были неспешны и горды, словно лес принадлежал ему одному. Он не знал, что за ним уже наблюдают.

Терпкий запах оленя стал нестерпимым. Струйка слюны медленно стекала из пасти молодой белой волчицы с золотыми глазами. Наконец она увидела величественные рога среди деревьев. Волчица припала к земле, шерсть на загривке поднялась от азарта, мышцы свернулись тугой пружиной. За недели в лесу она успела полюбить этот миг, эту пьянящую смесь страха и силы, которой не было места в дворцовых покоях. Резкий, как выстрел, хруст ветки под лапой спугнул благородную жертву.

Внезапно со стороны в оленя влетел огромный тёмно-бурый волк. Одно быстрое, незаметное глазу движение — и волк перегрыз оленю горло, сломав шею. Затем посмотрел на волчицу, приглашая присоединиться.

Волчица разочарованно вздохнула и подошла. Сырое тёплое мясо казалось вкуснее самых изысканных деликатесов с королевских приёмов. Вдоволь насытившись, волки нашли укромное место в зарослях папоротника, где солнце едва пробивалось сквозь полог листвы. Тёмно-бурый волк улёгся первым, и белая волчица прижалась к его боку, чувствуя, как его дыхание поднимает и опускает её собственное тело. Так, переплетаясь, точно корни одного дерева, они и уснули.

Волчица проснулась через несколько часов. На месте бурого волка сидел обнажённый молодой человек с волосами цвета тёмного мёда. Он с нежностью посмотрел на волчицу.

— Выспалась?

Волчица сладко зевнула. Белая шерсть втянулась под кожу, на лапах выросли пальцы — волчица превратилась в прекрасную обнажённую девушку.

— Поверить не могу, что постель из опавших листьев мягче самой лучшей перины. Вот только на охоте у меня опять ничего не получилось, — грустно вздохнула она.

— У тебя всё впереди. К тому же ты отлично загоняешь зверя, Изабелла, — улыбнулся молодой человек.

— Не для того я убежала из дворца, чтобы снова быть на вторых ролях, Якоб, — насупилась девушка.

— Тогда давай тренироваться, — последнее слово скорее напоминало рык. Через несколько мгновений молодые люди снова превратились в волков и побежали.

Они неслись сквозь чащу, огибая замшелые стволы и перемахивая через поваленные деревья. Якоб показывал ей, как ставить лапу, чтобы не хрустнула ни одна ветка, как чувствовать направление ветра, как сливаться с тенями. Изабелла впитывала его уроки с жадностью, которая удивляла её саму. Прежняя Изабелла — та, что читала философские трактаты в шёлковых покоях — не узнала бы себя нынешнюю. А нынешняя не желала вспоминать прежнюю.

На опушке Якоб замер, подняв лапу — знак замереть. Изабелла послушалась, хотя каждая мышца требовала броситься вперёд. В кустах завозился заяц, не чуя опасности. Якоб взглянул на неё — испытание. Она просчитала ветер, как он учил, обошла поляну по дуге, держась против ветра, и одним прыжком прижала зайца лапами к земле, торжествуя глядя на Якоба. Тот фыркнул и боднул её плечом. Заяц извернулся, выскочил на свободу и метнулся в чащу.

Это была первая её настоящая победа, и она стояла больше, чем все комплименты, что она слышала во дворце.

Следующая попытка обернулась провалом: куропатка взлетела прямо у неё из-под лап, а Изабелла застряла в зарослях шиповника, оцарапав бок. Якоб не смеялся, за это она была ему благодарна больше, чем за саму охоту. Он помог ей выпутаться и сказал, что даже лучшие охотники начинали с разодранных боков. Она знала: он лжёт, чтобы её утешить, — но не возражала против такой лжи.

Впервые в жизни она была не «довольна положением», не «удовлетворена видами на будущее», а именно счастлива. Счастье пахло мокрой шерстью и хвоей, имело вкус парного мяса и родниковой воды, звенело птичьими трелями на рассвете. Оно не требовало корсетов, визитов, выверенных реверансов. Оно требовало только жить. Она не помнила, чтобы хоть раз улыбалась так — без оглядки на то, прилично ли это, без мысли о том, кто и как истолкует выражение её лица.

Она думала о том, кем была раньше: девушкой в шёлковом плену, которую учили улыбаться ровно настолько, насколько позволяли приличия, и молчать обо всём, что действительно имело значение. Теперь у неё не было ни титула, ни родового имени, ни даже расчёски с серебряной ручкой — только лес, голод и Якоб. И ни единого дня она не хотела вернуть прежнюю жизнь обратно.

Ночью взошла первая с момента превращения Изабеллы полная луна. Они почувствовали её приближение ещё до заката: кровь загустела, сделалась горячей, мышцы запели от избытка силы. Едва серебряный диск показался над кронами, Изабелла поняла, что ни разу в жизни не видела такой луны. Сквозь волчьи глаза луна была не бледным украшением ночи, а живым, пульсирующим сердцем неба, от которого исходили волны древней, немислимой силы.

Луна будто давала ей новые силы. Изабелла бежала по ночному лесу вместе с любимым и чувствовала себя свободной как никогда. Лапы несли их к круглому, чёрному, как обсидиан, озеру, спрятанному среди гор. Это было их озеро. Оно являлось ей во снах до превращения. Здесь они провели свою первую настоящую ночь вместе. Сюда они возвращались снова и снова. Здесь не было ни покрывал, ни приличий, только холодная вода и горячая кожа, и в этом было больше правды, чем во всех залах дворца.

Серебряная дорожка легла на чёрную воду, и по этой дорожке, казалось, можно было уйти прямо в небо. Они вошли в озеро людьми, и вода холодила разгорячённые тела. Якоб поймал её за талию, притянул к себе. Его грубые, в шрамах, помнящие рукоять ножа и лук ладони касались её с трепетом, какого не знал ни один придворный кавалер. Изабелла выгнулась навстречу, подставляя губы, шею, ключицы. Он целовал её долго, мучительно нежно, не как целуют добычу, а как единственную.

Где-то там, за лесом, в эту самую минуту тушили свечи в бальных залах, и фрейлины шептались, чья помолвка выгоднее. Изабелла больше не была частью этого разговора, и от этой мысли по коже пробежала дрожь, не имеющая отношения к холоду озёрной воды.

Потом они лежали на мху у кромки воды, под пристальным взглядом луны, древней свидетельницы тысяч таких же союзов. Якоб гладил её волосы, она — его шрамы. Слова были не нужны — вой, который иногда сам собой вырывался из их глоток, был красноречивее любых признаний.

Она почти уснула, когда память без спроса вернула её туда — в собор, в дым, в крик, который не был похож ни на один человеческий звук. Огонь на алтаре. Холод брусчатки под коленями, когда тело уже не слушалось её. Чей-то голос — или ей показалось? — звавший её по имени сквозь рёв пламени. Изабелла вздрогнула, и Якоб, не просыпаясь до конца, крепче обнял её, будто чувствовал, куда утянул её сон. Она прижалась к его груди, вслушиваясь в стук его сердца, пока чужой, далёкий собор не растворился в темноте, и осталось только настоящее — мох, вода, дыхание любимого.

Наутро девушка проснулась от нестерпимого голода. Тело ломило не от усталости, а от странной жажды, которую не утоляла вода. Даже в человеческом обличе она чувствовала запах оленя где-то поблизости. Но в Изабелле-человеке этот запах вызывал отвращение и тошноту.

Она замерла, прислушиваясь к себе. Вот оно — раздвоение, которое преследовало её с первого дня после обращения. Одна её часть, дочь маркиза, воспитанная на хороших манерах и латинских текстах, с ужасом вспоминала вкус сырого мяса и липкую теплоту крови на морде. Другая — волчица — требовала охоты. Требовала бега, прыжка, удара клыками. Эта вторая Изабелла не знала стыда. Она знала только голод.

Почему тёплая кровь на шерсти вызывает такой экстаз? Почему то, что должно внушать омерзение, ощущается как высшая награда? Она думала об этом каждое утро. И каждое утро ответ был разным. Сегодня звериное побеждало.

— Ты дрожишь, — сказал Якоб, приподнимаясь на локте. Он уже понял. — Не сопротивляйся, Изабелла. Так только хуже.

— Я знаю, — прошептала она.

Но всё равно сопротивлялась. Это стало их утренним ритуалом: он ждал, пока она договорится с собой, пока человек в ней перестанет спорить со зверем. Иногда это занимало минуту. Иногда — полчаса мучительной внутренней борьбы. Якоб не подгонял. Он понимал, ведь много лет назад сам прожил то, что она проживает.

Два дня назад победил человек. Она опустила на колени у ручья, глядя на собственные спутанные волосы, расцарапанную веткой щеку, и волчий голод вдруг стал просто голодом, обычным, человеческим. Она съела землянику, напилась из ладоней и впервые за неделю почувствовала, что владеет собой, а не наоборот. Якоб тогда промолчал. Но в его глазах было что-то похожее на гордость. Или на сожаление. Она предпочла не знать.

Изабелла не заметила, как очутилась у оленьей туши. Якоб уже стоял над трупом, низко опустив голову. Его спина была напряжена. Он поднял верхнюю губу и глухо зарычал.

Даже с расстояния Изабелла поняла, что с трупом что-то не так. Запах оленя был свежим — зверь умер не больше нескольких часов назад. Но запах крови отсутствовал напрочь, от чего шерсть на загривке вставала дыбом. Даже птицы молчали. Лес, ещё утром полный шорохов и перекличек, застыл в настороженной тишине, будто чаща затаила дыхание.

Подойдя ближе, Изабелла поняла: вокруг не было ни капли крови. Земля под тушей была сухой, трава не примята борьбой. Олень просто лежал на боку, неестественно вывернув шею, и на его горле зияли две маленькие ранки. Аккуратные и круглые, как будто кто-то проткнул шкуру двумя спицами.

Якоб, не отрываясь, смотрел на эти ранки. Его рык перешёл в низкое, вибрирующее ворчание. Изабелла впервые слышала от него такой звук. Неужели он испугался?

Он наклонил голову, втянул воздух — раз, другой. Не было ни мочи, ни паники, ни резкого, почти металлического духа, каким пахнет любая насильственная смерть в лесу. Только что-то холодное, приторное, почти цветочное, будто где-то рядом вяли лилии. Якобу этот запах не понравился ещё до того, как он понял почему.

Изабелла принялась следом, и у неё свело челюсть. Томный, удушливый аромат полз по ноздрям, будто чужие пальцы. Это не было похоже ни на одну смерть, что она нюхала прежде.

Она превратилась обратно в человека, подошла ближе, присела рядом с оленем. Вблизи стало видно: ранки были идеально чистыми, без следов зубов, без рваных краёв. Ни один зверь так не убивает.

Внезапно нагота, которая ещё минуту назад казалась ей самой естественной вещью на свете, отозвалась холодом стыда, будто что-то из старого мира, из дворца, тянулось к ней даже здесь, заставляя руки сами потянуться прикрыть тело.

— Что это? — спросила она тихо.

Якоб молчал. Потом выпрямился — уже человеком — и посмотрел на неё. В его янтарных глазах, обычно таких спокойных, плескалось что-то, чего она раньше не видела.

— Этого не может быть, — сказал он.

— Чего не может быть?

Он отвёл взгляд. Посмотрел на восток, где вдалеке за деревьями возвышались невидимые шпили Тюиля. Якоб наклонился, осторожно, почти благоговейно провёл пальцами по шее оленя и стёр с ранок остатки прозрачной, вязкой жидкости.

— Мой отец рассказывал о них, — произнёс он глухо. — Перед тем как я сбежал. Он говорил, что в Тюиле есть хищники страшнее волков. Но я думал, он врал, чтобы удержать меня.

Якоб помнил ту ночь до мелочей: огонь в очаге догорал, отец стоял у окна, не оборачиваясь, и голос его был тяжёл, как камень. «Они выглядят как люди, сын. Едят за одним столом с нами, кланяются королю. Но ночью...» Тогда отец замолчал и так и не закончил фразу. Якоб счёл это слабостью старика, уставшего бороться с призраками прошлого. Теперь, глядя на две аккуратные ранки на шее мёртвого оленя, он не был так уверен.

— О ком рассказывал? — Её голос дрогнул.

Якоб поднял на неё глаза. Янтарь против золота. Зверь против зверя — но сейчас в его взгляде был только уставший от борьбы человек.

— О тех, кто пьёт кровь, Изабелла. О тех, кого мы считали легендой.

— Существ или людей? — спросила она.

— Не знаю, — признался Якоб. — Отец никогда не говорил прямо. Может, боялся, что если назовёт их по имени, они услышат.

— Легенды не оставляют ран на горле, — тихо сказала она.

Якоб не ответил. Не было ответа, который не прозвучал бы либо ложью, либо признанием в том, что мир без титулов, без масок, без лжи, возможно, никогда не существовал по настоящему. Что где-то за деревьями, в Тюиле, уже знали об этом. И, может быть, ждали.

Ветер прошёл по верхушкам деревьев. Где-то далеко закричала сойка. Изабелла перевела взгляд с мёртвого оленя на любимого, и её выносливое волчье сердце пропустило удар. Лесная колыбель, их убежище, больше не была безопасной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.